

Афанасий Кускенов

К 110- летнему юбилею школы

Воспоминания о школе, друзьях, учителях
и совсем немного об отношениях...

Афанасий Кускенов

К 110-летнему юбилею школы.

**Воспоминания о школе,
друзьях, учителях и совсем
немного об отношениях...**

«Издательские решения»

Кускенов А.

К 110-летнему юбилею школы. Воспоминания о школе, друзьях, учителях и совсем немного об отношениях... / А. Кускенов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-598153-0

Детство наше прошло в лучшие годы времен социализма. Не было тогда из бытовых приборов и в помине того, что мы имеем сейчас. Были телевизоры с малюсеньким экранчиком. Да и те при дневном свете ничего не показывали. Но у нас было самое счастливое детство. Мы были предоставлены улице. Мы жили там. Домой заходили, что называется, только перекусить. Делали на улице, временами, маленькие и хорошие глупости... А еще много читали, любили свою школу, учились, в основном, все хорошо.

ISBN 978-5-00-598153-0

© Кускенов А.
© Издательские решения

Содержание

С Юбилеем, родная школа!	6
Ребята с нашего двора	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

К 110-летнему юбилею школы Воспоминания о школе, друзьях, учителях и совсем немного об отношениях...

Афанасий Кускенов

© Афанасий Кускенов, 2023

ISBN 978-5-0059-8153-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С Юбилеем, родная школа!

Школа! Как много в этом звуке для сердца нашего слилось! Как много в нем отозвалось, —... хотелось бы сказать словами великого Пушкина, лишь слегка перефразировав классика. Школа – это для человека Все. Это то место, где мы несемся на крыльях первых наших успехов на головокружительную высоту. И в том же месте, в школе, льем горькие слезы поражений.

«Всем хорошим во мне я обязан книгам», – писал Максим Горький. Слова нашего уважаемого пролетарского писателя можно отнести и к школе. Ведь в школе мы впервые учимся писать, учимся читать, любить книги. И всем этим мы обязаны ШКОЛЕ.

Со школой связана вся жизнь каждого человека. Все наши воспоминания начинаются именно с первого школьного звонка, с первой учительницы, с первых школьных друзей. И эту память о школьных годах мы проносим через всю свою жизнь.

Харазаргайской средней школе нынче 110 лет – Юбилей, который ассоциируется с праздником «со слезами на глазах» для всех: и для тех кто был учеником, и для тех кто сеял то самое разумное и вечное. А если эта дата по случаю 110 годовщины, тем более это величайшее событие для многих поколений.

Уму непостижимо, как много воды утекло с тех пор, когда она впервые открыла свои двери. Скорее всего это была начальная школа еще императорской России. Нехитрые математические вычисления показывают, что это был год 1913.

А сколько лет тогда было бы тем, кто впервые переступил порог нашей родной школы? Если в то время дети шли в первый класс, так же как и сейчас с семи лет, то им было бы по 117 лет и все они 1906 года рождения.

Представить трудно сколько всего пришлось пережить этому поколению. Фактически вся история, того мрачного периода, прошла перед их глазами и во многих событиях они были непосредственными участниками:

- 1914—1918 – Первая Мировая война;
- 1917 – Октябрьский переворот; Обращение В. И. Ленина о переходе власти Военно-революционному комитету;
- 1918—1922 – Гражданская война;
- 1929 – Начало коллективизации и индустриализации;
- 1932—1933 – Голод;
- 1938 – Хасан;
- 1939 – Халхин-Гол;
- 1939, 1 сентября – Начало Второй Мировой войны;
- 1939 – Начало войны с Финляндией;
- 1941—1945 – Великая Отечественная война;
- 1950—1953 – корейская война.

И после всех этих революций и войн жизнь для них не казалась мёдом: послевоенная разруха, голод, холод, повальная нехватка продуктов, предметов первой необходимости.

Но зато у них была вера в светлое будущее. У них горели глаза, руки не боялись никакого труда. Они верили, что строят коммунизм и за чистую монету воспринимали лозунг «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Сейчас среди нас нет тех, кто бы помнил, какой была первая Харазаргайская начальная школа. Но ведь силами того же поколения харазаргайцев была пущена в строй восьмилетняя школа. А восьмилетка – это уже ближе к нам.

О той школе помнят еще, наверное, многие, ныне здравствующие, наши односельчане. С той школой связывает свои годы обучения большинство жителей Харазаргая, а также добрая половина Кукунутов. Выпуск нашего класса состоялся в 1976 году. Сейчас корпусов той старой школы нет.

Но мы помним ее и для нас она больше, чем школа. Но нет ничего вечного – все старое, отжившее свое должно уступить новому. Сейчас предстает перед нами совершенно иное здание школы, с просторными и светлыми кабинетами, со всей полагающейся инфраструктурой.

Это замечательно, что здесь учатся и заканчивают школу уже наши внуки. Наше поколение, в свое время и мечтать не могло о средней школе в своем родном населенном пункте. Извечный вопрос – куда идти учиться дальше? А если и есть ответ на этот вопрос, то, как решить вопрос с жильем? Есть ли там родственники и примут ли они ребят из периферии?

Одного пустить на жительство, возможно, родственники и согласились бы. Но нельзя забывать о том, что в то время семьи были, в основном, многодетными. Как говорится, пусти

козла в огород, а за ним последует все стадо. Исходя из этой философии и родственников можно было бы понять, у них свои дети, своя большая семья, а тут такая обуза...

Будь у нас в то время своя средняя школа, насколько бы она упростила жизнь нашим родителям. Возможно и жизнь у многих пошла бы по другой колее. Может быть сейчас среди нас было бы больше ученых мужей. Но все это уже история, а она, как известно, не терпит сослагательного наклонения.

Все хорошо, что хорошо кончается. «Радуйся тому, что имеешь. Не грусти о том чего нет, или не было», – говорят умные люди. Тут я заглянул в социальные сети в надежде почерпнуть полезные сведения о нашей школе. Так вот там обозначен год рождения уже *средней* школы – 1985 год. Через два года опять Юбилей.

И опять же, сколько благодарных людей осталось после того, как они имели счастье получить среднее образование, не выезжая за пределы родного села, находясь под теплым и надежным боком родителей.

Школа... Как часто в горестной разлуке, в моей блуждающей судьбе, о, школа, я думал о тебе! – куда же без Александра нашего Сергеевича. Да простит он за некоторые вольности в изложении его строк. Это она, ШКОЛА, повела всех своих питомцев, как мать, через тернии к звездам, открыла перед ними все дороги мира и помогла выбрать свою...

Школа – это, прежде всего, учителя: требовательные и не очень, добрые и все понимающие, чуткие и внимательные, мудрые и сердечные. Для них успех ученика – это их успех.

Вспомним их поименно, ведь они, не считаясь ни со временем, ни со своими личными проблемами беззаветно служили большому делу, делу воспитания подрастающего поколения. Это:

Учителя начальных классов – Октябрина Кирилловна, Александра Бугдаевна, Надежда Семеновна. Если будем заниматься арифметикой, то мы собьемся со счета уже на втором десятке. Сколько поколений учеников они выпустили на своем веку – они сами, мне кажется, затруднились бы ответить на этот вопрос.

Директор школы – Хантаев Александр Кондратьевич; историк; был не только притягательным рассказчиком, но и хорошим организатором школьной жизни.

Ведь на плечах директора не только образовательно-воспитательный процесс, но и все вопросы хозяйственного характера, это: дрова, истопники, уборщицы, содержание интерната, столовой и т. д.

Логин Васильевич, Александр Батуевич, Елена Ивановна – ветераны педагогического труда, учителя заслуживающие самой высокой оценки своей профессиональной деятельности. Если бы была возможность заглянуть к ним в трудовую книжку наверняка нашли бы у них одну-единственную запись о месте работы – Харазаргайская восьмилетняя школа.

Валентина Ивановна – русский язык, литература; наша первая учительница, а потом и классный руководитель до самого окончания школы;

Тамара Яковлевна – русский язык и литература. Замещала в нашем классе Валентину Ивановну, во время ее учебных отпусков. После очень требовательного классного руководителя, присутствие на уроках Тамары Яковлевны представлялся нам сплошным праздником.

Хотя подавляющее большинство моих одноклассников были сильны в этих предметах, но детям после кнута обязательно нужно подавать и пряник. Впрочем, не только детям.

Тамара Яковлевна и была тем самым «подавателем» пряников. На ее уроках всегда чувствовался легкий налет некоего демократизма. Не было всецелого подавления личности ребенка. В свое время после Сталина в стране была хрущевская оттепель.

Вот такая «оттепель» витала и в нашем классе. Ощущение того, что можно было даже объясняться в своих чувствах однокласснице, и никто тебя не поднимет на смех перед всем классом.

Она очень мудро молчала даже там, где, возможно, надо было, временами, пускать и кнут. Был у нас один всезнающий мальчик, который иногда пускался с ней в полемику, но в силу своего возраста, не понимал сути вопроса, о чем, собственно, он и полемизировал.

– Петров, не фамильярничай! – останавливала его пыл Тамара Яковлевна.

А тот в свою очередь, возмущался, но уже перед классом, апеллируя тем, что он якобы не обращался к ней по фамилии. До слуха Тамары Яковлевны, конечно, доходили детские ворчания нашего товарища, но она не считала нужным пояснять тому такие серьезные вещи.

Признаться, и я тогда не понимал значения этого слова, но в душе понимал, что друг мой не прав – фамилия и фамильярность это не одно и то же.

К выпускным экзаменам готовила нас тоже Тамара Яковлевна, и она же его и принимала. Мы все к ней относились с большим почтением, граничащим с юношеской привязанностью, и экзамены выдержали на «отлично» и «хорошо».

Когда-то давным-давно, в музыкальном мире большой вес имел Петр Соломонович Столярский, полуграмотный еврей, педагог от Бога. Воспитал плеяду музыкантов мирового уровня. Одно имя Давид Ойстрах говорит о многом.

У Столярского, как у всякого одесского еврея была очень своеобразная манера передачи мысли. По этому поводу в музыкальном мире существует целая коллекция его высказываний.

Он готовил Ойстраха к одному из первых его конкурсов и был с ним особо строг, он знал, что его ученик способен на большее. Когда во время очередной репетиции Ойстрах сыграл ему свою партию, Петр Соломонович сказал:

– Ой, Додик ты мене сегодня возмутил, – отвернулся и заплакал.

– Неужели все так плохо? – спросил Ойстрах.

– Нет, Додик, ты мене возмутил на Да!

Так, вот на выпускном экзамене по русскому языку и литературе, наш класс, говоря словами Петра Соломоновича, возмутил Тамару Яковлевну на «ДА».

Вера Борисовна Дулганова – математика. Молодая женщина, детородного возраста, родом из Бохана, преподавала нам между очередными декретными отпусками. Запомнилась, как крепкий специалист, болеющий за свое дело и за успеваемость учеников.

Распекая одного, не самого слабого, ученика она выговаривала тому с неподражаемым своим боханским акцентом:

– ... би шамда mahhaap, аля буряаһаар хэлхэмииб? Шэ, Митя, энэ жэлдэ ехээр муурааш.

А тот, умный малый, за словом в карман не полез:

– Би танда муурха, муу буруу байгаабу?

Александра Буянтуевна Мотошкина – математика. Пришла к нам в выпускном классе в период декретного отпуска Веры Борисовны. Молодая учительница, познавшая на себе всю фонтанирующую энергию, гораздых на всякие проделки, взрослеющих шалопаев. Трудно было ей удержать такой коллектив.

Она выбрала совершенно верную тактику – не обращая внимания на беснующийся класс, вызывала кого-нибудь к доске и спрашивала с того урок, попутно поясняя и поправляя по ходу дела.

К выпускным экзаменам, Александра Буянтуевна подвела нас весьма уверенной поступью. Очень много времени проводила с нами в консультациях и факультативных занятиях. Казалось, переживала больше нас самих. Но зато сделала из нас хороших математиков, с очень высоким средним баллом.

Светлана Григорьевна Няхурова – ботаника. Возможно она химик-биолог, но преподавала нам в 5-м классе именно ботанику. Очень жесткий и требовательный человек. Заигрывания с учениками – это не про нее. Вопросы о том, кто в классе хозяин не могло прийти даже в самую буйную головушку. Светлана Григорьевна – это безусловный лидер, ставящий приоритеты так, как это ей удобно.

Зинаида Леонтьевна Бахрушкина – физика. Преподавала математику, во время декретного отпуска Веры Борисовны до прихода Мотошкиной. Светлый, радушный человек с неуемной энергией. Уроки проводила в ураганном темпе, пытаясь выложиться без остатка. У нее была очень хорошо поставленная речь. Слушать и смотреть на нее было бесконечно приятно. Легкая картавинка придавала её речи неповторимый оттенок, смешанный с легкостью вещания.

Маргарита Ивановна Басхаева – химия, биология. Завуч школы – молодое дарование.

Нина Борисовна – пение; инструмент – мандолина. Пение нельзя отнести к предметам, без знания коих нельзя было построить карьеру в будущем. После серьезных дисциплин на уроках пения, под чарующие звуки диковинной мандолины, чувствуешь себя, как на каникулах.

Нина Борисовна чередовала изучение нотной грамоты с вокалом музыкально одаренных учеников. Получалось неплохо. Были, были поющие ребята среди нашего сообщества. Нина Борисовна умела разглядеть скрытые таланты.

Алла Алсаевна – изобразительное искусство. Для того чтобы изобразить, что-то на бумаге нужен дар, это штучный товар. Среди нас, по-моему, не было таковых. Ну рисовали, наверное, то что требовала Алла Алсаевна. Наверняка, она среди нас не видела хоть сколько-нибудь интересную личность в плане творчества.

Вот и все учителя, те что работали в наше время. Это 1968 – 1976 годы. Многих из них, в данное время, нет среди нас. Но от этого они нам не менее дороги. Учитель всегда остается в сердце своего ученика, несмотря на годы, убелившие голову последнего. Для них мы всегда останемся Ванями, Петями, Машами, Наташами... Низкий им поклон.

Ребята с нашего двора

Когда в разговорах ли, в воспоминаниях ли, я называю поколение 50-х, 60-х годов – послевоенными детьми, многие удивляются и делают непонимающие лица.

Мои ровесники, поколение 60-х, поймут меня. С того времени как мы отслужили в рядах вооруженных сил СА, прошло без малого 35 лет. И все они, мои сверстники, я уверен, помнят годы службы так, как будто это было вчера. А ведь столько воды утекло с тех пор...

Конечно же, мы послевоенные дети, ведь минуло-то после войны всего каких-то 10—15 лет, когда мы появились на свет. А это ничто, если мы по сию пору помним события, памятные нам из армейской жизни, столь явственно и зримо.

Так вот, говоря о детях послевоенного лихолетья, хочется отметить, что все мы росли в одинаковых условиях. Не было среди нас тех, которые кичились бы богатством родителей, или же знатностью рода своего.

Вспоминая пору детства и окидывая взглядом те, милые сердцу годы, видишь те отличительные черты, которые были присущи именно нашему поколению. Неспроста ведь у нас в деревне, в каждой семье, преимущественно, рождались одни мальчишки.

Тогда мы все делились на урда айл, хойто айл, Бутурак, зуун би, баруун би. Был еще ряд переселенцев, их так и называли «переселенцы».

Деревня была, как бы, поделена на определенные зоны влияния. Бывало, прежде чем выйти из своей комфортной зоны проживания, не единожды подумаешь, как на это посмотрят тамошние ребята. Не ровен час, можешь и нарваться за нарушение негласного паритета.

А ребята тогда были физически сильными и крепкими. Все как на подбор худощавые, жилистые и пружинистые, аки тот кошка, что на завалинке брюхо греет. Редко можно было встретить пухлого и малоподвижного парнишку.

Здоровьем все отличались отменным. Если, кто-нибудь из нас, с целью симуляции, говорил о том, что у него якобы болит сердце... почки, печень, не важно что – старики искренне удивлялись тому обстоятельству.

Недоумевали, откуда же у этого несчастного ребенка может взяться сердце (почки, печень...). Нельзя было всуе упоминать о своем здоровье.

Во всех семьях содержали домашний скот, преимущественно, крупно рогатый. Тогдашним ребятам не нужно было напоминать, кому и что нужно делать по хозяйству. Всякий знал свои обязанности и прежде, чем сесть за домашнее задание, должен был успеть все сделать по хозяйству.

Хорошо это, или плохо, но по обычаям того времени хозяйство стояло на первом месте. Сначала работы на поскотном дворе, а уж потом занимайся, чем угодно – можешь и к урокам сесть готовиться.

Не думаю, чтобы в семьях родители проверяли домашнее задание своих детей. В основном, мне кажется, старшие проверяли уроки младших, а те по ступени – еще меньших. Но, тем не менее, дети, как правило, учились хорошо.

А уж, какой читающей страной мы были, об этом не сказал, в свое время, разве, что ленивый. Действительно, дети читали тогда запоем. Ходили в библиотеку, делились с друзьями впечатлениями о прочитанной книге.

А потом, с пеной у рта и размахиванием рук, рассказывали друг другу все, что вычитали у того, или иного автора. А тот, кто по каким-то причинам не успел еще прочесть об услышанном произведении из уст своего приятеля, обязательно задавался целью – восполнить сей пробел.

Еще одной особенностью, детей послевоенного поколения нашей деревни, была искренняя предрасположенность к анекдотам. Говоря о том, что больше трех не собираться, люди имели в виду нечто такое, с чем связаны беспорядки и прочие асоциальные явления.

В нашем случае, если собралось три человека и больше – это анекдоты. Каждый из нас знал бесчисленное количество анекдотов и умел их красочно преподнести.

Василий Иваныч, Анка с Петькой, да дорогой Леонид Ильич – это постоянные спутники наших анекдотов.

А вот про чукчу, почему-то меньше всего было смешных историй, видать, он еще не дорос до анекдотов. Но время его неумолимо приближалось, вот-вот страна должна была узнать чукчино:

– Однако, зачем ты амбу стрелял? Теперь тащи его на себе до яранги.

(Это он, чукча, пошел вместе с русским геологом на медведя. Когда он увидел хозяина тайги, то развернулся и побежал в сторону дома. Русский побежал за ним. Но вскоре он очухался и спрашивает себя:

– А чо это я бегаю от мишки, у меня же ружье, заряженное жаканом, есть.

Развернулся и долбанул по мишке усиленным зарядом).

Штирлиц появился чуть позже, но и он уже ломился в дверь.

(Пришел он на явочную квартиру. Постучался в дверь – никто ему не открыл. Постучался еще раз – молчок. Постучался в третий раз – никто к дверям не подошел. Тогда Штирлиц начал биться головой об дверь – за дверью тишина. Штирлиц понял:

– Дома никого нет!

В 70-е годы был очень популярен хоккей с шайбой. В какое бы позднее время его не транслировали, все население мужского полу от самых взрослых и до малых детей, в буквальном смысле, прилипало к экранам телевизоров.

Это была самая благодарная публика и преданные, до мозга костей, болельщики сборной команды Советского Союза. Знали всех игроков в лицо не только сборной страны, но и клубных команд.

Спроси в то время любого сопливого мальчишку о том, под каким номером играет, скажем, Александр Мальцев – он, не напрягаясь, ответит: «10».

А уж как, любители хоккея, боготворили Николая Николаевича Озерова! Все его крылатые выражения тут же, не успев сойти с экранов телевизоров, уходили в народ:

– Д-а-а-а, такой хоккей нам не нужен! – мог процитировать последний фанат великого комментатора.

Мы были не только пассивными болельщиками хоккея, но и самыми азартными участниками ледовых сражений. Играли все, играли до самозабвения.

Не было никакой амуниции, не было хоккейных площадок, не было даже элементарных шайб, не говоря уже о клюшках. Шайбу нам заменяла замерзшая коровья говешка, а за клюшками ходили в лес.

Нарубишь подходящую по форме березу, счешешь ее со всех сторон, просушишь на печке и на завтра ты – прямо Александр Якушев на льду. Не было у нас понятия о том, что настоящие коньки крепятся заклепками к высоким ботинкам. Мы же крепили их сыромятными ремнями на валенки.

Закрепишь, бывало, их с любовью и нежностью к валенкам, подморозишь в проруби, для верности, и сам Валерий Харламов по скорости в подметки тебе не годится.

Наигравшись вдоволь, вихрем подлетишь к кромке проруби – бац, голым животом на лед; нахлебаешься вместе с коровами воды из проруби и чувствуешь себя самым именитым хоккеистом на планете Земля.

Сколько же талантов было зарыто в землю, скольких же Макаровых и Крутовых не досчиталась наша сборная команда по хоккею с шайбой – обрати свой взор тогдашние руководители компартии и правительства на провинцию, на дворовые команды.

Не одним хоккеем жили мы, были и другие игры. Зимой – бег на лыжах, прыжки с трамплина, горнолыжный вид спорта.

Строили снежные крепости, да что там крепости, целые городки получались на деле.

Разделившись на две неприятельские крепости, иступленно забрасывали, собственно-ручные изваяния снежного зодчества, комьями мерзлого снега.

Были и свои рекорсмены в этом, незамысловатом на первый взгляд, виде спорта. Нужно было обладать резким и хлестким броском. Особенно этим качеством отличались хантаевские ребята, Альфред и Алик. Оба они метали с такой силой, что почти всегда на глаза наворачивались слезы, в случае попадания их снаряда в цель.

Строили подземные переходы в стан неприятеля, для того, чтобы добыть живого «языка». Сказать, что когда-либо «язык» благополучно доставлялся к месту назначения – не могу, но многочисленные ходы сооружались почти всегда.

Может быть, это был неосознанный детский поступок, преследующий цель, довести начатое дело до логического завершения. Снежный городок с подземными сообщениями – это круто!

С наступлением первой оттепели начинались «банки». Это игра наподобие современных городков и хотя городки существовали и раньше, но мы, деревенские сорванцы, понятия не имели о существовании такой интеллигентной игры.

Собирали по деревне жестяные банки, благо их в то время было не счесть, ставили их друг на друга и колотили по ним с определенного расстояния. Вместо культурного метательного инструмента – березовый дрын, вместо «аглицкого» газона – грязь по колено и сопли в три ручья от холода.

После банок начинались «казаки-разбойники», игры в войнушку с командами «русских» и «немцев», и батальные сражения на пиках и саблях. Случались иногда, при такой травмоопасной игре, ранения легкой и средней степеней тяжести.

Купальный сезон открывали 1-го Мая. Пишу с заглавной буквы, потому как этот день на просторах всего Союза, почитался, как великий праздник.

Была у нас традиция, негласный закон, ходить в этот день на Вышку. Это была обыкновенная, деревянная геологоразведочная вышка. Располагалась эта точка на горном хребте, «Гэрын хада», в самой ее высокой плоскости. Вот там-то, и обязаны были мы все отметиться в день Первомая.

Спустившись с этой высоты, катались на плотках в пруду. Пруд этот располагался в местности «Зээмэк», и наполнялся весенними паводковыми водами. К лету он, обычно, высыхал.

Катаясь на плотках, невольно окунали в воду, то одну ногу, то другую. Порядком измочившись, ничего не оставалось, как бултыхнуться в холодную снеговую воду. Первый почин сделан, а кто не последовал примеру первопроходца, тот – девчонка.

Никто не хотел быть девчонкой. В начале сего опуса я упомянул, что мальчиков той поры в деревне было подавляющее большинство. То, видать, страна зализывала фронтовые раны. И кто-то там, наверху, учитывая потери в мужской силе, наверное, распорядился давать матерям больше сыновей.

И все мальчишки росли соответственно духу того времени. Это были маленькие мужички, и если кто, ненароком, обзовет кого девчонкой – худшего оскорбления нельзя было придумать.

С наступлением летнего зноя, игры переходили в менее активную фазу. Игра в бабки была по популярности в первых рядах негласного нашего рейтинга.

И, как всамделишный мужик, всяк старался подогнать бабки под себя. Бита, например, высверливалась со стороны попки, и в образовавшуюся полость заливался свинец, вследствие чего она становилась тяжелее. Метать ею, соответственно, становилось удобнее и ловчее.

А в самую лютую жару, укрывшись в тень, где-нибудь на задворках, подальше от людских глаз, играли в ножички. Игра, на первый взгляд, опасная, но никто не запрещал нам показывать друг другу отточенное мастерство с использованием холодного оружия.

Чиркали ножички и со лба, и с зуба, и с локтей, словом, со всех частей тела. Как и во всяком деле, здесь находились свои безусловные лидеры, которые умели в этом «невинном» занятии достичь непомерных высот. Они умели «чиркать» ножички из любого положения. Не помню случая, когда бы кто-нибудь получил увечье.

А в школе, абсолютно все ученики играли в настольный теннис. Мы понятия не имели, что существует на свете, кроме настольного тенниса, другой вид этого единоборства – большой теннис. Но играли ребята классно, брали мяч из любого положения.

Перемена между уроками в школе составляла 5 минут, от силы 10. Никаких малых, или больших перемен, в помине не было, потому, как не было школьной столовой.

Начинали «резаться» с утра, еще до начала уроков. Продолжали играть до тех пор, пока не появится, в проеме двери школьного коридора, учительница одного из противоборствующих сторон. Если счет не был завершен, то продолжали играть, пока один из игроков «легким движением руки...»

После этого, в невероятном броске, на лету ловился теннисный мяч, и он, опаздывающий на урок ученик 5-го класса, (четвертого, или восьмого, не имеет значения) уже после учительницы, переступившей порог класса, успевал сесть за парту и поставить на лицо умное выражение.

Во Франции есть вековая традиция. Когда до наступления Рождества остаются считанные минуты, неожиданно гаснет свет. За это время каждый уважающий себя «мусье» должен был успеть исследовать все потаенные уголки тела рядом сидящей мадам.

В Советском Союзе ничего подобного не было. Но наши работники по линии торговли, или дипломатии, находящиеся по долгу службы в ихней «Хранции», обязаны были присутствовать на празднествах по случаю Рождества.

Когда подавали электричество, француженки изящно продолжали вести светскую беседу.
На покрасневших и разгневанных лицах наших *дам*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.